

Радов 9

1985

Литературная газета
г. Москва

16 ОКТ 1985.

К 70-летию со дня рождения Георгия РАДОВА

ТЕПЕРЬ уже и не вспомнишь, когда, с какой книгой или серией деловых, проблемных статей он стал признанным авторитетом нашей очеркистики, принял, не сбазив энергию и темпа, овечкинскую эстафету советской литературы. Теперь кажется, что он сразу вышел на житейскую целину не с бородой, а с плантажным, глубоко взрезающим землю плугом.

Образ тяжелого плуга взят у самого Георгия Радова; говоря о повести «Прощай, Гульсары!», он заметил, что Айтматов прошел по полю, не царапая землю, а подняв ее плугом, и плугом не рядовым, «плантажным, которым пашут под виноградники. Хорошо прошел!»

Главная книга Радова «Председательский корпус» вышла вскоре после его смерти, но складывал ее он сам: отбирал для нее лучшее, выстраивал ее композицию, правил и недавно опубликованные очерки, вчитывался в корреспондентские тетради времен войны. Верил, что жизнь продолжится, недуг отступит, но не терял попусту и дня, работал над этим томом избранного. Как художнику ему была знакома тоска по идеалу, жажда поэзии и полноты выражения. «Единственное, что утешает: они остаются в памяти», — писал он о своих героях. — Еще могу вернуться к ним. Не могу не вернуться: мир, в который они ввели меня, воистину неповторим и неисчерпаем, а для меня он единственный. Его еще исследовать, исследовать! Хватило бы времени...»

Но жизнь пресеклась, ушла, среди ночи выскользнула вдруг в открытое, жестоко морозное окно — смерть не посчиталась с планами работ, с громадой нерастраченной энергии и запасом душевных сил.

Он был угловат, случалось, нелюбезен до грубости, придирчиво пытлив. Хрипловатый голос иногда звучал угрожающе резко, ироническая улыбка не сулила противнику легкой схватки. Но все ведь не по пустякам, не амбиции ради, все по делу, в стремлении доискаться правды, в нетерпеливом желании изменить

что-то в нашей жизни. В потребности исследовать.

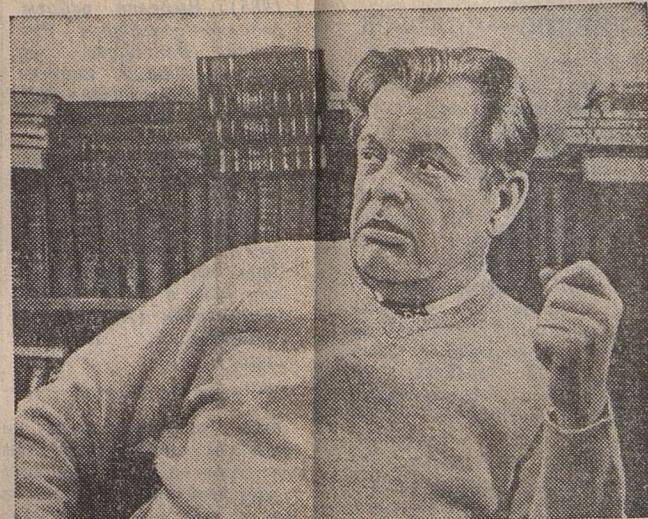
Последний, трудный год весь прошел в лихорадочной смене поездок по стране, упорной работе в больничных палатах и комнатах Дома творчества «Переделкино», в неустанном чтении чужих книг и журнальных публикаций, в жажде духовных открытий, в просыпавшемся намерении учиться нелицеприятным судом давним своим писаниям. Он был беспощадно насмешлив к возможному уже тогда поветрию: при первой возможности публиковать старые, неудавшиеся опыты, статьи или очерки однодневного дыхания. Он строго оценивал и свои корреспондентские очерки 1943—1945 годов, взвешивая, есть ли в них страницы, достойные перепечатки спустя три десятилетия.

Уверенный в себе, на первый взгляд, даже самоуверенный, он нелегко, после бессонной ночи в Переделкине, принял решение включить в «Председательский корпус» раздел «Из корреспондентских тетрадей» и признался в этом не без смущения. «Много лет не трогал, даже не заглядывал, — сказал он. — Руки не доходили, а теперь вдруг потянуло. Перечитал. Там нашлось и дельное, такое, что надо печатать. Я еще посмотрю построже, но кое-что напечатаю, то, что стыкуется со всей моей работой...»

«Председательский корпус» позволил увидеть, как надежно, крепко состыковано у Радова все, что могло бы показаться пестротой, разбросанностью, неоправданным вторжением в новые для него пласти жизни и искусства, — статьи о Гранине, о Тендрякове, о режиссуре Сергея Герасимова, о сценическом воплощении прозы в театре и о многом другом. Все состыковано личностью Радова, обостренным чувством нового, мужеством отстаивать справедливость и живую мысль.

Как-то в последнее его лето я торопился в Боткинскую больницу к знакомой палате, но у ее двери подумал было, что ошибся: за дверью шло заседание. Спорили мужчины, нелюбезно, «на басах», а из щелей тянуло, заметно и на

ПОЭЗИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

(не исключая и деревни) со-
ставляет всю жизнь народа,
а затем и человечества?

Нет, природа верности Радова деревенской теме иная. Его духовный и деловой обзор жизни чрезвычайно широк, разнообразны творческие интересы, темы очерков, статей и памфлетов. Наблюдательность и ум Радова позволили ему писать о многом дельно, остро, с эмоциями, ибо, как он заметил, эмоции необходимы публицисту, как «и ярость, и гнев, и открытое, публичное осуждение», потому что «без эмоций его, мещанина, не одолеешь».

Статьи Радова об искусстве, его памфлеты, направленные против мещанства всех родов и рангов, будоражили, вызывали споры — равнодушных не было. Эти работы живы и сегодня, в них отчетливо выражена целостная художественная натура Радова.

Но и в этом, недеревенском мире Радова нет-нет, и откроется воздух деревни, подадут голос ее люди, в поисках опоры художники обратятся к земле, к хлебу, к голубеющему над полями небу.

Еще шла война, только что у Орла и Курска выиграна историческая битва, перо Радова-публициста обличает фашизм, а взгляд и сердце художника уже в половину отданы плодоносящей земле, женщинам-пахарям, которые двинулись за плугом по недавно разминированным полям.

С лета 1944 года это захватило Радова целиком, как судьба и предназначение. На страницах его тетрадей появятся люди, с которыми он пройдет всю жизнь бок о бок, не расстанется и в «Председательском корпусе».

В журналистских записках начиная с августа 1944 года возникает и особое, характерное для позднего Радова соединение деловитости и поэзии. Резкий, неуступчивый, завязтый спорщик и полемист, он с такой поэтичностью открывает нам красоту земли, пишет ее такими сильными, сочными мазками, что по этим ранним очеркам уже тогда, в конце войны, можно было предсказать Радову хорющее литературное будущее.

Радов мечтал о романе. И писал его; главы печатались в «Литературной России», несколько других я читал в скопии. Он жаждал романа всей тайной, закрытой страстью души и силой надежды. Не знаю, хватило бы у него сил, но времени не хватило.

Хватило на другое, никак не меньшее: в этот тревожный, трагический по исходу год он довершил книгу по сути художественной прозы — «Председательский корпус».

И все же назовем эту книгу очерковой. Хотя бы ради самого Радова, памятна о его страсти защищать публицистики и очерка, его вере в их безграничные возможности. В избранном Радова ярко выражены черты того «классического русского очерка», о котором он писал в статье о «Линиях» Сергея Крутилина.

Книга Радова — история колхозной деревни, рассказана поэтом. Здесь жизнь как она есть, с горечью ошибок, с драматическим поиском, со всему непредвиденностью судеб, но и со всей мощью исторического движения. Привязанность к людям, к друзьям-председателям выражена в прозе Радова с той силой действительности, когда не остается места красноречию, риторике, а слышится сквозь годы только неспокойный, сильный, опасающийся недоговорить голос рассказчика.

Александр
БОРЩАГОВСКИЙ